

В основном философы спорят не о том, существует душевная болезнь или нет, а скорее, о том, как охарактеризовать суть этого понятия.

Кристиан Перринг,
Стэнфордская философская энциклопедия

Вы становитесь независимой, если живете одна. Вы становитесь настоящей личностью.

Эдит Бувьё Бил (Маленькая Эдди),
«Серые сады»

Глава 1

Губки для посуды Scotch-Brite*, 10 штук
в двойной упаковке, всего 20 штук.

MARTICITUDE, *сущ.* — *мужеубийство.*
Происходит от латинского maritus, означающего «муж», и -cide от caedere, что означает «резать, убивать».

Я встала рано, так что успела оттереть надпись до того, как она ее увидела. На этот раз использовали красную краску, а ее, как оказалось, убрать труднее, чем белую. Написанное — правда? Неважно. В любом случае хорошо, что у меня остались губки для посуды, потому что пришлось использовать целых четыре. Забор безобразный, так всегда говорил Том, — столбики, на которых он крепится, выцвели и прогнили, между досками появились щели, и часть букв оказалась написана не на досках, а на разросшемся плюще — где-то завитушка, а где-то и половина буквы. Закончив отмывать надпись, я сорвала все испорченные листики.

* *Scotch-Brite* — торговая марка и одноименный нетканый абразивный материал, напоминающий по фактуре неплотный войлок, считается универсальным абразивным материалом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ТЫ ВИНОВНА

Мне это не нравится. Это нервирует. Это пахнет самосудом. Это мир, в котором все ждут, что обвиняемый в чем-то человек будет ходить с меткой на спине, и неважно, доказана его вина или нет. Словно общение с полицией, следствие, рассмотрение дела в суде и тюремный срок — это недостаточное наказание (и ведь обвиняют, когда еще неизвестно, как будет развиваться дело).

Конечно, я ей ничего не скажу. У нее и так хватает проблем. Она провела столько ночей в камере в отделении полиции в Уондсуэрте, и это было ужасно, а потом ее еще отправили на целую неделю в Бронзефилд*. Хватит с нее страданий и мучений. Еда там была ужасная, постоянно какие-то крики, а мылом, которое там выдали, она содрала кожу. Я пыталась ее навестить, добралась на электричке до Эшфорда, привезла очищающее молочко от Clarins, которое она любит, но меня к ней не пустили. Оказывается, нужно предъявлять какое-нибудь удостоверение личности с фотографией — паспорт или права, а у меня нет ни того, ни другого. И что делать таким людям, как я? Если она все-таки отправится обратно в тюрьму, мне придется что-то придумать. Но в любом случае здесь она только обустроивается. Последнее, что ей сейчас нужно, — это чтобы ее доставали.

Конечно, это намалевал какой-то безграмотный тип. ВиновнНа! Или — давайте ему посочувствуем — дислексик**. Но когда я, поставив рядом ведро с водой, присела на корточки, оказавшись спиной к улице, мне стало не по себе. Казалось, что на меня смотрели из каждой проезжавшей мимо машины. Меня накрыло чувство стыда, и еще,

* *Бронзефилд* — единственная частная женская тюрьма в Великобритании, крупнейшая женская тюрьма в Европе.

** *Дислексия* — нарушение способности к овладению навыком чтения и письма при сохранении общей способности к обучению, имеет нейрологическое происхождение.

возможно, я чувствовала себя униженной, что естественно для любого человека, вынужденного убирать за другим. Это всегда неприятно, а тут еще такая надпись! И странным образом я почувствовала одиночество. Это был несчастный случай. Я повторяла это всем, кто спрашивал. Она невиновна. Суд присяжных сразу это поймет. Не понимаю, почему люди такие странные.

Я отнесла губки и ведро в кухню. Оказалось, что она уже спустилась вниз и стоит в коридоре. Она с недовольным видом спросила про завтрак. Обычно я приношу еду на подносе, как всегда носила маме, но сегодня утром у меня просто не было времени готовить, потому что я была занята забором. Я подтолкнула ее в направлении гостиной, а сама занялась завтраком. Она любит определенный тип мюсли, но они у нас заканчиваются (их можно купить только в большом супермаркете Sainsbury's), поэтому я добавила в ее мюсли немного своей овсянки. Похоже, она не заметила. Ела без всякого выражения на лице, смотрела в окно на проезжавшие мимо машины и автобусы, на детей, идущих в школу. Казалось, она опять впала в забытие — словно приступ амнезии на события, связанные с прошлым. Врач сказал, что это из-за пережитого шока. Но тут я никогда до конца не уверена.

Моди рвалась на прогулку. Когда я предложила Эйлсе к нам присоединиться, то не ожидала, что та согласится. Она ни разу добровольно не вышла из дома с тех пор, как сюда переехала. И всегда находила какое-то оправдание: то слишком устала, то болят глаза, то она боится встретить кого-то из знакомых. Вероятно, из-за происшествия с забором сегодня мои слова прозвучали как-то по-другому, или, может, я предложила прогуляться как раз в подходящее время.

— Никому не идет на пользу целый день сидеть взаперти, — сказала я (хотя, возможно, говорить «сидеть

взаперти» было бестактно при сложившихся обстоятельствах).

Она вдруг развернулась ко мне.

— Хорошо, — ответила таким тоном, словно делала мне одолжение.

Я дала ей одну из своих курток и шарф — тоже мой. У нее с собой нет подходящей одежды, только летняя. Куртка была темно-красного, скорее даже каштанового цвета, не совсем чистая и большого размера. Ей она не понравилась. Она сморщила нос. Мне пришлось просовывать ее руки в рукава, словно я одевала непослушного ребенка. А черный шарф она одобрила. Хотя он был из полиэстера, на ощупь напоминал кашемировый. Пока я искала ключи в прихожей, заметила, как она изучает свое отражение в зеркале, как поднимает подбородок, поправляя шарф на шее. Некоторые привычки не умирают никогда.

Конечно, я спланировала маршрут. Выйдя, мы сразу же повернули направо, чтобы не проходить мимо двери ее дома, и пошли до конца Тринити-роуд, потом на светофоре перешли дорогу и направились к парку. Мне не хотелось идти мимо магазинов и кафе на Бельвью, где всегда много народа. Репортеры на улице больше не дежурят, но она права: лучше не привлекать лишнего внимания и не устраивать шоу. Она шла очень медленно, я взяла ее под руку и потащила за собой. Я пыталась справиться с раздражением. «Потихоньку», — сказала я. Хотя скорее не о темпе ее ходьбы, а о делах в целом.

В это прохладное, ветреное осеннее утро по небу быстро неслись облака, солнце то появлялось из-за них, то снова скрывалось. Я отстегнула поводок Моды, и она понеслась вперед по траве — лоскутному одеялу света и тени. На центральной дорожке Эйлса ускорила шаг, а когда я обратила ее внимание на красоту высоких каштанов — их листья как раз начали краснеть, — она что-то пробормотала себе под нос. Я приняла это за согласие.

Возможно, именно тогда нам и следовало повернуть назад — пока на дорожке никого не было. Я виню себя за то, что мы этого не сделали. Мне хочется думать, что я чувствую настроения Эйлсы, но тут я оказалась недостаточно бдительна.

Я пыталась шутить, болтала о молодых лебедях на пруду, о том, как они выросли, и вдруг заметила двух женщин — обе блондинки с маленькими собачками на поводках, — идущих нам навстречу. У меня возникло ощущение, что мы вдруг попали в магнитное поле — в их молчании ощущалось напряжение и ожидание. Эйлса тоже это почувствовала, а может, она их узнала. У нее много знакомых. Ее дыхание изменилось: резкий вдох, за которым немедленно последовал сдавленный всхлип. Она прильнула ко мне, и я испугалась, что она может упасть. Через лужайку потащила ее под дерево к скамейке, с которой открывался вид на воду. Эйлса рухнула на скамейку, заняв бóльшую ее часть, откинула голову на металлическую спинку и уставилась в небо. Через несколько минут она раздраженно сказала, что устала, — толком не спала столько дней. Затем она заговорила о Мелиссе: она отправила письмо по электронной почте, но та не ответила. Эйлса даже не была уверена, что Мелиссе передают ее письма. Это было несправедливо. Она рассказала мне про пикник, который они устроили в день рождения близнецов, и как тогда было весело, и что-то о красивом домике на дереве, который они построили в Кенте.

Боюсь, что в какой-то момент я перестала ее слушать. Я не люблю разговоры про Кент, а в последнее время и так слишком много слышала о детях. К тому же я и сама порядком устала. По очевидным причинам работать мне приходится по ночам. Между деревьев пролетела пара длиннохвостых попугаев, громко и пронзительно крича. Моды помчалась к роще, и по ее странным — словно балетным — шагам я догадалась, что она гонится за бел-

кой. Воздух был прохладным, свет мягким, сквозь ветки виднелось синее небо. Под ногами хрустели опавшие осенние листья, мне нравится этот звук. Я думала о Эйлсе и ее манере говорить — она говорит как аристократка, повышая тон в конце предложения, а иногда в середине. Я впервые задумалась о том, как на это могут отреагировать присяжные. Вывод: не очень хорошо.

Когда она вдруг наклонилась вперед, я решила, что она смотрит на мои ноги. На мне были брюки с молниями по бокам, в них удобно гулять. Молнии не были застегнуты до конца, так что виднелась нижняя часть икр. Эйлса сосредоточила взгляд на крошечных чешуйках — небольших белых пятнышках, свидетельствующих о возрасте. Медицинское название: каплевидный идиопатический гипомеланоз. Я думала, что она скажет что-то вроде: «Вы должны сходить к моему знакомому дерматологу». Поэтому прозвучавшие слова шокировали меня.

— Вначале я не... Знаете, было ощущение, словно у него что-то застряло в горле или жгло сильно, будто он съел целый перец чили или что-то в этом роде. Понимаете, да? Я дала ему воды, но она вся вылилась обратно из уголков рта... То есть, его язык...

Она стала водить языком по верхним зубам, высовывая его вперед-назад. Я не могла понять, что она делает, пока до меня не дошло: она пытается мне продемонстрировать, что происходило с Томом. У меня все скрутило внутри, к горлу подступила тошнота.

— Ужасно, — только и сказала я.

Она впервые заговорила про смерть Тома. У меня возникла паническая мысль, что надо было включить диктофон, хотя я не знала, как незаметно достать телефон.

Эйлса принялась мять, впиваться ногтями в куртку, которая была на ней надета, потом стала царапать собственные запястья. Мгновение спустя они уже выглядели жутко — она их все разодрала.

— А его зрачки, Верити! Это было так странно. Они были просто черными, как у животных, и он хватался руками за шею, рот был открыт, нижняя челюсть отвисла, и повсюду слюни и пена, как у собак. Знаете? Я никогда не видела бешеных собак, но именно так их представляю. У человека не может быть столько слюны. Он извивался, корчился, будто тело не принадлежало ему, оно словно жило своей жизнью, лоб покрыла испарина. Он продолжал смотреть на меня... Взгляд у него был такой... И его так сильно тошнило — испачкало всю рубашку и весь пол в кухне, а я не могла найти бумажные полотенца и взяла рулон туалетной бумаги.

— В тот момент он все еще сидел за столом, Эйлса? Этот вопрос снова и снова задавала полиция.

— Я думаю, что уже нет. Он соскользнул со стула на пол.

— Значит, он лежал на полу. А ты? Стояла? Или присела к нему?

В ветвях позади нас вороны хлопали крыльями. Эйлса заговорила громче:

— Я опустилась на пол рядом с ним. Я же принесла ему воду.

— Ах да.

Легкий ветер колыхал ветви дерева рядом с ней, листья кружились вокруг ее плеч.

— Если бы я сразу же позвонила в скорую, я бы его спасла? Или все равно было бы поздно?

Я открыла рот, чтобы ответить, пытаюсь контролировать выражение лица. Если бы только я была рядом в ту ночь. Если бы я только знала, что он дома.

— Не знаю.

Моди исчезла из виду, и хотя я в эти минуты была сосредоточена на Эйлсе, но начала немного беспокоиться. Я боролась с желанием встать и позвать собаку.

Эйлса быстро качала головой вверх и вниз, в ее глазах дрожали тени.

— Говорят, он перестал дышать из-за болиголова?

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять, что это был вопрос.

— Насколько я понимаю, болиголов парализует нервную и дыхательную системы, а это в свою очередь приводит к смерти.

Эйлса безвольно опустила руки.

— Я так часто говорила, что хочу его смерти. — Она начала плакать. — Что жизнь была бы гораздо лучше без него. Но не стала. Это несправедливо. У меня всегда все идет наперекосяк. Жаль, что я не могу повернуть время вспять.

Эйлса начала меня раздражать.

— Нам пора идти, — сказала я резким тоном и подняла ее на ноги.

Она столько лет боролась с лишним весом, а сейчас я не уверена, есть ли в ней хоть пятьдесят килограммов. Найдя собаку, я потащила Эйлсу домой. Ей не хотелось идти.

Сейчас она спит. Мы устроили ей гнездышко в гостиной, в углу дивана — там она и отключилась. Когда мы вернулись домой, она вела себя очень мило: поднесла мою ладонь к своей щеке, когда я принесла ей чашку с ройбушем, благодарила меня за поддержку. Я смотрела, как она спит — веки слегка подрагивают, рот приоткрывается во время вдоха, а потом закрывается. У нее милое лицо, на самом деле милое — в форме сердечка, рыжевато-каштановые волосы и вдовый мысок* (как иронично!) на лбу, уголки зеленых глаз приподняты. Под линией волос виден небольшой старый шрам длиной сан-

* *Вдовый мысок* — линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз. Считается, что он предвещает раннее вдовство.

тиметра два-три. Я не знаю, откуда он. Я многого о ней не знаю.

На этой неделе у нее назначена встреча с королевским адвокатом*. До сегодняшнего дня меня ничто не беспокоило. Я совсем не волновалась, думала, все само собой уладится. На первый взгляд, с их браком все было в порядке — идеальная пара! Почему именно Эйлса Тилсон убила своего мужа? Я предполагала, что дело даже не возбудят или сразу закроют. Эйлса будет меня долго благодарить за все, что я сделала, и вместе с детьми вернется в соседний дом. Но теперь я не знаю, что будет дальше. В голове крутятся разные мысли. Кто она? Как мы до этого дошли?

Я все думаю о ее интонации в сегодняшнем разговоре. В ее голосе определенно слышались шок и жалость к самой себе. И вопрос: «Почему это должно было случиться именно со мной?» (по-моему, это следствие того, что она была несколько избалована). Еще были страх и ужас — она же видела, как Том теряет человеческий облик, на глазах становится неузнаваемым. «У человека не может быть столько слюны». Она сравнивала его с бешеной собакой. Это понятно. Каждый из нас по-своему справляется с травмой. И после того, что она для меня сделала, я прощу ей все. На самом деле прощу.

У меня до сих пор саднят пальцы после стирания надписи на заборе. Кто это написал? Что этот человек пытается мне сказать? Это ужасно, но сейчас, когда она спит, а за окном спускается тьма, мне впервые становится страшно. Неужели я допустила ужасную ошибку? Сегодня днем не было еще одного чувства — единственного, которого ждешь после трагедии подобного рода.

Печали.

* *Королевский адвокат* — адвокат, назначаемый короной; высшее профессиональное признание. Чтобы получить этот титул, необходимо проработать адвокатом не менее пятнадцати лет.